

Михаил Скопин-Шуйский

Архангельской губернии.

Поежает Скопін-от, да князь-от Михайло Васильевич,
Поежает Ско́пин-от за Москву-реку.
На наказывает Скопину-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жона:
— Уж ты душенька Михайло да ты Васильевич,
Уж ты тот ли князь да Ско́пин-от!
Ты не езьди, Скопін, да за Москву-реку:
Там поставят тебя-то ведь не на пир зовут,
Не на пир тибя зовут-то, не пировать с тобой,
Они тебя — держать всё хресьника
У того-то у князя у московского.
Ты одержишь своёго хошь восприемника, —
Говорит ёму родна-та да ево матушка
— Ты не пей-ко-се у них да зелёна вина,
Ты не кушай-ко у них всё есвы сахарныя:
Да уходит тебя кума, да доць Малютёва. —
Он не слушаёт наказу-ту рódной матушки,
Рódной матушки наказу-ту, молодой жены;
Поежаёт-то Ско́пин-то князь Михайло — свет Васильевич,
Он берёт, берёт коня-та всё богатырьского,
Он уехал за матушку за Москву-реку.
Приезжает ко князю-ту ко московскому;
Да стречают Скопинá-та князя Михайла Васильевича,
Да стречают ево на широкой светлой улице,
Приглашают ево всё' почесён пир,
Да идёт-то да ничево-то всё не думает;
Одержал же он своёго всё восприемника.
Собираёт князь на радосьти тут почесён пир,
Он почесён-от пир да он на весь на мир:
На своих-то на князьей да он на бóяров,
Для того-то собирает больше Скопинá-кума́,
Для того ли-то князя Михайла Васильевича,
Да садит он ево всё во большó место,

Во большó ево место да ише всё к себе.
Ише тут ведь бояра всё зло подумали;
Разговорили они да всё княгиню тут,
Насыпáли в стакан ёму зелья лютого;
Подносила кума всё ему крестовая.
Выпиваёт Скопín, ничево не думает;
Загорело у ево скоро ретивó сердце;
Выходил-то он ведь скоро ис цёсна́ пиру,
Говорил-то он кумы-то своей крестовою:
— Уж ты гой еси, кума ты моя крестовая!
Опоила ты, всё ты меня, безбожница,
Опоила меня ты да зельём лютым,
Ты злодейка-кума, ты да зьмея лютая,
Зьмея лютая ты, да дочь Малютина,
Доць Малютина ты, да всё Скурлатова!
Отъезди ты миня, да кум крестовой мой,
Ко своей-то¹ отъезди меня к рóдной матушки.
Ише я-то на вас-то да зла не думаю:
Уходила миня кума-злодейка зла,
Да злодейка-та зла, да доць Малютина. —
Уежаёт он скоро да к рóдной матушки,
К родной матушки, к своей-то он к молодой жоньí;
Ише тут-то заходит-то во полатушки
Ко своей-то ко родимой да он ко матушки.
Он зашол-то сам слéзно да уливайтце,
Он всемирно во своих грехах всим он каелса,
Ише тут-то з душí он скорб́ представилсэ:
Да згорело у ёго-то тут ретивó сердце.

(Записана А. В. Марковым в 1899 г. на Терском берегу Белого моря в Нижней Зимней Золотице, от кр. А. М. Крюковой, напеч. в сбор. «Беломорские былины», 1901 г., стр. 196-197, № 39)

1 Т. е. моей, Скопина. Собир.

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.